

УДК 130.1

А. П. ЧЕХОВ О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

О.И. РОДИОНОВА

Московский
государственный
университет
им. М.В. Ломоносова

В статье рассматриваются взгляды А.П. Чехова на русскую интеллигенцию. Тема русской интеллигенции являлась важной для А.П. Чехова, и он неоднократно обращался к ней в своей переписке. Приводится перечень положительных и отрицательных черт, присущих, по мнению Чехова, русской интеллигенции. Указывается, в чём состоит общность и различие оценок русской интеллигенции А.П. Чеховым и авторами «Вех».

Ключевые слова: Чехов, интеллигенция, письма Чехова, переписка Чехова, «Вехи».

Вопрос о русской интеллигенции – её назначении и роли в общественной жизни – являлся одним из важнейших для русской литературы и философии конца XIX – начала XX в. Авторы, статьи которых вошли в сборник «Вехи», единогласно признавая актуальность этого вопроса, отвечали на него различным образом. Так, например, С.Н. Булгаков писал, что «для патриота, любящего свой народ и болеющего нуждами русской государственности, нет сейчас более захватывающей темы для размышлений, как о природе русской интеллигенции»¹, поскольку «ей, этой горсти, принадлежит монополия европейской образованности и просвещения в России, она есть главный его проводник в толщу стомиллионного народа, и если Россия не может обойтись без этого просвещения под угрозой политической и национальной смерти, то как высоко и значительно это историческое призвание интеллигенции, сколь устрашающе огромна ее историческая ответственность перед будущим нашей страны, как ближайшим, так и отдаленным!»². Другой автор сборника, П.Б. Струве, писал не о просветительских задачах интеллигенции (справедливо отмечая, что «образованный класс» составляла в России всегда некоторая часть духовенства, потом первое место в этом отношении заняло дворянство»³), а о происхождении и историческом значении интеллигенции, конкретизируя первое посредством представления «интеллигенции, как политической категории, объявившейся в русской исторической жизни лишь в эпоху реформ и окончательно обнаружившей себя в революцию 1905 -07 гг»⁴, и видя второе в «её отношении к государству в его идее и в его реальном воплощении»⁵. Не облекая, подобно авторам «Вех», свои размышления в форму специально посвященных вопросу о русской интеллигенции статей, А.П. Чехов, тем не менее, не раз обращался к этой актуальной для того времени теме. Далее мы рассмотрим, как она представлена в его письмах.

Целью статьи является подробный анализ зафиксированных в эпистолярном наследии А.П. Чехова комментариев, характеризующих отдельных представителей русской интеллигенции и русскую интеллигенцию как феномен в целом. Нами были проанализированы все двенадцать томов переписки А.П. Чехова, в результате чего выделены цитаты, содержащие интересные для нас высказывания.

Все отобранные нами цитаты из писем Чехова можно условно разделить на три группы. В первую группу входят цитаты, которые не содержат характеристик и оценок русской интеллигенции, но свидетельствуют о *значимости категории «интеллигентность»* для автора, поскольку среди множества категорий, с помощью которых можно описать объект, он выбирает именно эту категорию. Примеры этого

¹ Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – СПб.: Азбука-Аттикус, Авалонь, 2011. – С.41-42.

² Там же. – С.41.

³ Там же. – С.187.

⁴ Там же. – С.188.

⁵ Там же.

находим в следующих высказываниях: «Очень красивы буксирные пароходы, тащущие за собой по 4-5 барж; похоже на то, как будто молодой, изящный *интеллигент* (курсив здесь и далее наш – О.Р.) хочет бежать, а его за фалды держат жена-кувалда, теща, свояченица и бабушка жены»⁶ [П-4, 66], «Красноярск красивый *интеллигентный* город; в сравнении перед ним Томск свинья в ермолке и моветон. Улицы чистые, мощеные, дома каменные, большие, церкви изящные» [П-4, 98]; «Иркутск превосходный город. Совсем *интеллигентный*. Театр, музей, городской сад с музыкой, хорошие гостиницы...» [П-4, 107], «Будьте добры при случае передайте редакции, что анонс, в котором она величает меня "высокоталантливым" и заглавие моего рассказа печатает буквами вывесочного размера,- этот анонс произвел на меня самое неприятное впечатление. Это похоже на рекламу зубного врача или массажистки и во всяком случае *неинтеллигентно*» [П-5, 59], «Путь от Ярославля до Нижнего красив, но я раньше уже видел его. К тому же в каюте было очень жарко, а на палубе по физиономии хлестал ветер. Публика *неинтеллигентная*, раздражающая своим присутствием» [П-5, 309], «Перед отъездом, кстати сказать, я был на репетиции "Фед<ора> Иоан<новича>". Меня приятно тронула *интеллигентность* тона, и со сцены повеяло настоящим искусством, хотя играли и не великие таланты» [П-7, 289], «Судя по газетам, начало было блестящее – и я очень, очень рад, так рад, что ты и представить себе не можешь. Этот Ваш успех еще раз лишний раз доказательство, что и публике, и актерам нужен *интеллигентный* театр» [П-7, 303], «В Ялте на Пасхе будут пушкинские дни – на второй и третий день праздника; между прочим пойдет «Борис Годунов». Не найдет ли возможным она, Ольга Мих<айловна>, приехать в Ялту и сыграть Марину, а ее муж – Самозванца? <...> Тут есть Пимен, есть Годунов, но нет Марины и Самозванца, да и всем хочется, чтобы эти роли исполнялись настоящими, *интеллигентными* артистами» [П-8, 53], «Мои рассказы с таким названием, как «Были и сказки», не пойдут, потому что все эти книжные названия в последние десять лет устарели, выжили и не представляются *интеллигентными*» [П-9, 83], «Вы должны трактовать современную жизнь, ту самую, какую живет интеллигенция и какая не находит себе трактования в других театрах, за полную их *неинтеллигентностью* и отчасти бездарностью» [П-9, 125], «Сапоги хороши, только почему-то левый тесноват, и оба стучат при ходьбе, так что в них не чувствуешь себя *интеллигентным* человеком» [П-12, 66].

Первая группа также дополняется цитатами, в которых А.П. Чехов характеризует с помощью категории «интеллигентность» людей и литературных персонажей: «Другой поручик, Меллер, топограф, тихий, скромный и вполне *интеллигентный* малый» [П-4, 119], «Сахалинский генерал Кононович *интеллигентный* и порядочный человек» [П-4, 133], «Дорогой Николай Александрович, вчера я виделся с художником, о котором сестра и я говорили Вам, когда Вы были у нас <...> Это мужчина 30 лет, очень добрый, смирный, *интеллигентный* и нескучный» [П-6, 59], «Члена Т<аганрогск>ой городской управы зовут не Иорданский, а Иорданов, Павел Федорович. Я написал ему. Это *интеллигентный*, доброжелательный и, по-видимому, отзывчивый человек; по образованию врач» [П-6, 206], «В своих рассказах Вы вполне художник, притом *интеллигентный* по-настоящему. Вам менее всего присуща именно грубость, Вы умны и чувствуете тонко и изящно» [П-8, 11], «Дорогой Александр Леонидович, податель сего Андрей Николаевич Лесков, сын известного писателя Н. С. Лескова, приехал в Москву, чтобы побывать в театрах и познакомиться вообще с постановкой театрального дела в Москве. <...> Это очень хороший, *интеллигентный* человек, вполне достойный Вашего участия. Кстати сказать, он сам желает поступить на сцену» [П-8, 56], «Милый Владимир Иванович, на сих днях в театр к тебе придет познакомиться сын писателя Лескова, Андрей Николаевич, офицер. <...> Это вполне *интеллигентный*, нервный человек, держится хорошо, гибко, умеет говорить и, мне кажется, владеет достоинствами, которые с лихвой окупят такие недостатки его, как малый рост и несколько гнусавый голос» [П-8, 58], «Прежде всего И<оганнес> *интеллигентен* вполне; это молодой ученый, выросший в универ<ситетском> городе. Совершенное отсутствие буржуазных элементов. Манеры

⁶ Все цитаты приводятся нами по изданию: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах – М.: Наука, 1974–1983. В квадратных скобках указывается номер тома писем и страница.

воспитанного, привыкшего к обществу порядочных людей (как Анна) человека; в движениях и в наружности мягкость и моложавость, как у человека, выросшего в семье, избалованного семьей и всё еще живущего под крылышком у маменьки» [П-8, 274], «Бухштаб не так гнусен, как Вы полагаете; это один из *интеллигентнейших* людей в Одессе, а если он сам изрыгает хулу, то потому, что был доведен до бешенства господами писателями» [П-9, 61], «А<лексей> М<аксимович> не изменился, всё такой же порядочный, и интеллигентный, и добрый» [П-10, 117]. Приведённые цитаты свидетельствуют о том, что Чехов в слово «интеллигентный» вкладывает разные смыслы, но для нас здесь важно подчеркнуть именно значимость для него этой категории.

Во вторую группу входят цитаты, которые содержат отсылки к художественным произведениям А.П. Чехова и свидетельствуют о том, что для писателя являлась важной не только категория «интеллигентность», но и сама *тема русской интеллигенции*: «Посылаю Вам моск<овский> фельетон. Хотел изобразить кратко *московского интеллигента*» [П-4, 314] (речь идёт о фельетоне «В Москве», впервые опубликованном в «Новом времени» 7 декабря 1891, № 5667), «Сим извещаю Вас, что рассказ, который я пишу для "Нивы", уже подваливает к концу второго листа. Называться он будет, кажется, "Моя женитьба" – наверное еще не могу сказать, – сюжет из жизни *провинциальной интеллигенции*» [П-6, 145]. К теме русской интеллигенции Чехов обращался чаще, чем это следует из двух приведённых цитат, но прямые указания на эту тему в его эпистолярном наследии мы смогли обнаружить лишь дважды. Вторая группа цитат дополняется зафиксированными в письмах описаниями чеховских героев-представителей интеллигенции. Это персонажи, которых Чехов первоначально предполагал ввести в пьесу «Леший»: Александр Платоныч Благосветлов, Борис – сын Благосветлова, Галахов, Василий Гаврилович Волков (см. письмо к А.С. Суворину от 18 октября 1888 г.). Приведём здесь описание только одного персонажа (описание прочих опустим по причине их обширности): «Борис <...> юнец, очень нежный, очень честный, но ни бельмеса не смыслящий в жизни. Вообразив себя однажды народником, он вздумал одеться мужиком и нарядился турком. Играет отлично на рояли, поет с чувством, пишет тайком пьесы, влюбчив, тратит массу денег и всегда говорит вздор. Учится плохо» [П-3, 33]. Уже из этого описания мы можем вывести некоторые характеристики представителей интеллигенции, в частности, замену общественно полезной деятельности внешней атрибутикой этой деятельности («вздумал одеться мужиком и нарядился турком»), отсутствие серьезных занятий («влюбчив, тратит массу денег и всегда говорит вздор») и знаний («учится плохо»). Последнее напоминает описание студенчества, данным в «Вехах» А.С. Изгоевым: «Прежде всего, надо покончить с пользующейся правами неоспоримости легендой, будто русское студенчество целой головой выше заграничного. Это уже по одному тому не может быть правдой, что русское студенчество занимается по крайней мере в два раза меньше, чем заграничное. <...> Русская молодежь мало и плохо учится, и всякий, кто ее искренно любит, обязан ей постоянно говорить это в лицо, а не петь ей дифирамбы, не объяснять возвышенными мотивами социально-политического характера того, что сплошь и рядом объясняется слабой культурой ума и воли, нравственным разгильдяйством и привычкой к фразерству»⁷. Отдельные характеристики русской интеллигенции мы находим и в повествовании об одном литературном замысле Чехова (скорее всего, речь здесь идёт о замысле «Дуэли» – см. примечания к письму 539, П-3): «Ах, какой я начал рассказ! Привезу и попрошу Вас прочесть его. Пишу на тему о любви. Форму избрал фельетонно-беллетристическую. Порядочный человек увез от порядочного человека жену и пишет об этом свое мнение; живет с ней – мнение; расходится – опять мнение. Мельком говорю о театре, о предрассудочности "несходства убеждений", о Военно-Грузинской дороге, о семейной жизни, о неспособности современного интеллигента к этой жизни, о Печорине, об Онегине, о Казбеке...» [П-3, 78]. Здесь Чехов говорит о незрелости современного интеллигента (его неспособности к семейной жизни, которая требует как раз таки

⁷ Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – СПб.: Азбука-Аттикус, Авалонь, 2011. – С.270-273.

зрелости) и о склонности русской интеллигенции к доктринёрству (каждое своё действие интеллигент объясняет не личными склонностями и особенностями, а мнением, убеждением и, чаще всего, теорией). Это описание является хорошей иллюстрацией слов Бердяева о тяготении русской интеллигенции к подведению всех своих действий под философские максимы: «...наша интеллигенция всегда интересовалась вопросами философского порядка, хотя и не в философской их постановке: она умудрялась даже самым практическим общественным интересам придавать философский характер, конкретное и частное она превращала в отвлеченное и общее...»⁸. Интересный (и, пожалуй, наиболее полный из всех приведенных нами) портрет русского интеллигента даёт Чехов в описании своего Иванова: «Иванов, дворянин, университетский человек, ничем не замечательный; натура легко возбуждающаяся, горячая, сильно склонная к увлечениям, честная и прямая, как большинство образованных дворян. <...> Прошлое у него прекрасное, как у большинства русских интеллигентных людей. Нет или почти нет того русского барина или университетского человека, который не хвастался бы своим прошлым. Настоящее всегда хуже прошлого. Почему? Потому что русская возбуждимость имеет одно специфическое свойство: ее быстро сменяет утомляемость. Человек сгорая, едва спрыгнув со школьной скамьи, берет ношу не по силам, берется сразу и за школы, и за мужика, и за рациональное хозяйство, и за "Вестник Европы", говорит речи, пишет министру, воюет со злом, рукоплещет добру, любит не просто и не как-нибудь, а непременно или синих чулков, или психопаток, или жидовок, или даже проституток, которых спасает, и проч. и проч... Но едва дожил он до 30-35 лет, как начинает уж чувствовать утомление и скуку» [П-3, 109-110]. С.Н. Булгаков в «Вехах» даёт похожую картину смены умонастроения русского интеллигента и приводит возможные причины такой неустойчивости: «Благодаря молодости с ее физиологией и психологией, недостатку жизненного опыта и научных знаний, заменяемому пылкостью и самоуверенностью, благодаря привилегированности социального положения, не доходящей, однако, до буржуазной замкнутости западного студенчества, наша молодежь выражает с наибольшей полнотой тип героического максимализма. <...> Подъем героизма в действительности доступен лишь избранным натурам и притом в исключительные моменты истории, между тем жизнь складывается из повседневности, а интеллигенция состоит не из одних только героических натур. <...> Самообожение в кредит, не всегда делающее героя, способно воспитывать arrogantов. <...> Из этой же героической аффектации, поверхностной и непрочной, объясняется поразительная неустойчивость интеллигентских вкусов, верований, настроений, меняющихся по прихоти моды. Многие удивленно стоят теперь перед переменной настроений, совершившейся на протяжении последних лет, от настроения героически революционного к нигилистическому и порнографическому, а также пред этой эпидемией самоубийств, которую ошибочно объясняют только политической реакцией и тяжелыми впечатлениями русской жизни»⁹. Чехов, продолжая описание Иванова, приводит список его «врагов»: утомление, скуку, чувство вины, одиночество и требования жизни. На последнем позволим себе остановиться подробнее, чтобы опровергнуть высказывание В.В. Воровского, что «Чехов видел её (интеллигенции – О.Р.) упадок, но не понимал его объективного, исторического значения. Подобно самой интеллигенции, он готов был объяснить его исключительно тяжелыми внешними условиями»¹⁰. Внешние условия Чехов ставит лишь на пятое место, возводя прочее к «сложному сплетению причин, главные из которых не социальные, а духовные, мировоззренческие»¹¹: «Теперь пятый враг. Иванов утомлен, не понимает себя, но жизни нет до этого никакого дела. Она предъявляет к нему свои законные требования, и он, хочешь не хочешь, должен решать вопросы» [П-3, 111].

⁸ Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – СПб.: Азбука-Аттикус, Авалонь, 2011. – С.12.

⁹ Там же. – С.66-71.

¹⁰ Воровский В.В. А.П. Чехов и русская интеллигенция // Воровский В.В. Статьи о русской литературе. – М., 1986. – С.265.

¹¹ Криницын А. Проблемы "вырождения" у Чехова и Макса Нордау // Чехов и Германия. – М., 1996. – С.170.

Резюмируя цитаты с описанием Иванова и наши комментарии к нему, можем сделать вывод, что к перечню характеристик интеллигента здесь добавляются нервность, неустойчивость вкусов и предпочтений, максимализм желаний и скорая утомляемость, апатия, пассивность, неспособность достойно отвечать на запросы жизни.

Дополняет портрет русского интеллигента описание другого героя пьесы – доктора Львова. «Это тип честного, прямого, горячего, но узкого и прямолинейного человека. Про таких умные люди говорят: “Он глуп, но в нем есть честное чувство”. Всё, что похоже на широту взгляда или на непосредственность чувства, чуждо Львову. Это олицетворенный шаблон, ходячая тенденция. На каждое явление и лицо он смотрит сквозь тесную раму, ибо всем судит предвзято. Кто кричит: “Дорогу честному труду!”, на того он молится; кто же не кричит этого, тот подлец и кулак. Середины нет» [П-3, 112-113]. В этом описании Чехов, с одной стороны, дал оценку некоторым представителям литературного круга, в частности, своим критикам и недоброжелателям (ср. описание Львова со строками из его письма: «Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепенонец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и – только, и жалею, что Бог не дал мне силы, чтобы быть им» [П-3, 11]) и, с другой стороны, коснулся общей склонности интеллигентов мыслить резко и категорично, мыслить именами, теориями и тенденциями. Об этом писал в «Вехах» М.О. Гершензон: «Не поразительно ли, что история нашей общественной мысли делится не на этапы внутреннего развития, а на периоды господства той или другой иноземной доктрины? Шеллингизм, гегелианство, сен-симонизм, фурьеризм, позитивизм, марксизм, ницшеанство, неокантианство, Мах, Авенариус, анархизм, – что ни этап, то иностранное имя»¹² (сходство размышлений Чехова и авторов «Вех» свидетельствует не просто о «совпадении» идей, а о влиянии Чехова на авторов «Вех»¹³).

В третью группу вошли цитаты, содержащие *характеристики, присущие, по мнению Чехова, русской интеллигенции*. Преимущественно отрицательные характеристики интеллигентов находим в путевых (написанных во время поездок по России) письмах Чехова: «Интеллигенты, снующие по вагонам, напоминают камбурят. Паршивенькие такие» [П-2, 54], «Писарь прекрасный, интеллигентный человек, протестующий либерал, учившийся в Петербурге, свободный, неизвестно как попавший в Сибирь, зараженный до мозга костей всеми болезнями и спивающийся по милости своего принцепала, называющего его Колей» [П-4, 89], «Кама прескучнейшая река <...> Камские города серы; кажется, в них жители занимаются приготовлением облаков, скуки, мокрых заборов и уличной грязи – единственное занятие. На пристанях толпится интеллигенция, для которой приход парохода – событие. Всё больше Шербаненки и Чугуевцы, в таких же шляпах, с такими же голосами и с таким же выражением “второй скрипки” во всей фигуре; по-видимому, ни один из них не получает больше 35 рублей, и, вероятно, все лечатся от чего-нибудь» [П-4, 70-71], «Не помню ни одного сибирского интеллигента, который, придя ко мне, не попросил бы водки» [П-4, 91]. Здесь Чехов отмечает некоторые черты провинциальной интеллигенции: безволие, безделье, недалёкость, склонность к пьянству.

В описаниях уездной интеллигенции и столичных гостей на передний план выходит ряд других качеств: бестактность, бесцеремонность, притязательность («новые претензии») и опять-таки недалёкость: «Ах, если б Вы знали, как я утомлен! Утомлен до напряжения. Гости, гости, гости... Моя усадьба стоит как раз на Каширском тракте, в всякий проезжий интеллигент считает должным и нужным заехать ко мне и погреться, а иногда даже и ночевать остаться» [П-5, 139], «Если Вам когда-нибудь случится в своих “маленьких письмах” посылать интеллигенцию в деревню, то ставьте непременно условием, чтобы люди, не умеющие писать, читать, лечить, работать на фабрике, учить в школе или, как покойный Голохвастов, копаться в истории, оставались бы в городе, иначе они очутятся в дураках. Один мой сосед, молодой интеллигент, сознавался мне, что

¹² Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – СПб.: Азбука-Агтикус, Авалонь, 2011. – С.118.

¹³ Подробнее об этом см. в статье Соболевской Н.Н. Чехов и сборник “Вехи”: диалог во времени// Книга и литература в культурном контексте. – Новосибирск, 2003.

он очень любит читать, но не в состоянии дочитать книгу до конца. Что он делает в зимние вечера, для меня непостижимо» [П-5, 130-131], «Мне кажется, что ко всему можно привыкнуть, но только не к русской уездной скуке. Деревня мила, но уезд с его интеллигенцией и новыми усадьбами, и новыми претензиями – просто чепуха» [П-7, 233-234].

А.П. Чехов называет несколько факторов, «виновных» в таком состоянии русской интеллигенции: «В вырождениях, в общей нервности, дряблости и т. п. виноват не один S, а совокупность многих факторов: водка, табак, обжорство интеллигентного класса, отвратительное воспитание, недостаток физического труда, условия городской жизни и проч. и проч.» [П-6, 29].

В других письмах указывается и на ряд более «тонких» пороков: склонность к составлению мнений без достаточных знаний, на которую Чехов указывал своему брату Михаилу («Предубеждение к Петербургу – вещь довольно непохвальная в интеллигентном человеке. Чтобы убедиться в том, что он в самом деле плох и хуже Москвы, надо пожить в нем, а ты и одного дня не пробыл» [П-5, 151-152]), праздность и неспособность к серьёзным, искренним, честным поискам ответов на существенные вопросы («Вы пишете, что мы говорили о серьезном религиозном движении в России. Мы говорили про движение не в России, а в интеллигенции. Про Россию я ничего не скажу, интеллигенция же пока только играет в религию и главным образом от нечего делать. Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла от религии и уходит от нее все дальше и дальше, что бы там ни говорили и какие бы философско-религиозные общества ни собирались <...> Теперешняя культура – это начало работы, а религиозное движение, о котором мы говорили, есть пережиток, уже почти конец того, что отжило или отживает» [П-11, 106]).

Далее приведём выдержки из двух писем, наиболее часто цитируемых в работах, посвящённых взглядам А.П. Чехова на русскую интеллигенцию. В первом из них, адресованном А.С. Суворину, Чехов не только характеризует интеллигенцию, но и даёт оценку современным ему писателям, которые своим творчеством лишь потакают её слабостям. О них он писал: «...современные лучшие писатели, которых я люблю, служат злу, так как разрушают. Одни из них, как Толстой, говорят: “не употребляй женщин, потому что у них бели; жена противна, потому что у нее пахнет изо рта; жизнь – это сплошное лицемерие и обман, так как человек по утрам ставит себе клистир, а перед смертью с трудом сидит на судне, причем видит свои исхудалые ляжки”. Другие же, еще не импотенты, не пресыщенные телом, но уж пресыщенные духом, изошряют свою фантазию до зеленых чёртиков и изобретают несуществующего полубога Сикста и “психологические” опыты. Правда, Бурже приделал благополучный конец, но этот банальный конец скоро забывается, и в памяти остаются только Сикст и “опыты”, которые убивают сразу сто зайцев: компрометируют в глазах толпы науку, которая, подобно жене Цезаря, не должна быть подозреваема, и третируют с высоты писательского величия совесть, свободу, любовь, честь, нравственность, вселяя в толпу уверенность, что всё это, что сдерживает в ней зверя и отличает ее от собаки и что добыто путем вековой борьбы с природою, легко может быть дискредитировано “опытами”, если не теперь, то в будущем. Неужели подобные авторы “заставляют искать лучшего, заставляют думать и признавать, что скверное действительно скверно”? (побуждение к поиску лучшего является для Чехова одним из критериев настоящего писательства: «...писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими и которые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и Вас зовут туда же, и Вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель» [П-5, 133] – О.Р.) Неужели они заставляют “обновляться”? Нет, они заставляют Францию вырождаться, а в России они помогают дьяволу размножить слизняков и мокриц, которых мы называем интеллигентами» [П-3, 308-309].

Вслед за характеристикой оказывающих негативное влияние на русскую интеллигенцию писателей в указанном письме приводится описание самой русской интеллигенции с упоминанием ряда отрицательных её черт: апатичности, безделья, неспособности к серьёзным размышлениям, отсутствия твердых убеждений, бесполезности для общества: «Вялая, апатичная, лениво философствующая, холодная интеллигенция, которая никак не может придумать для себя приличного образца для

кредитных бумажек, которая не патриотична, уныла, бесцветна, которая пьянеет от одной рюмки и посещает пятидесятикопеечный бордель, которая брюзжит и охотно отрицает всё, так как для ленивого мозга легче отрицать, чем утверждать; которая не женится и отказывается воспитывать детей и т. д. Вялая душа, вялые мышцы, отсутствие движений, неустойчивость в мыслях – и всё это в силу того, что жизнь не имеет смысла, что у женщин бели и что деньги – зло. Где вырождение и апатия, там половое извращение, холодный разврат, выкидыши, ранняя старость, брюзжащая молодость, там падение искусств, равнодушие к науке, там несправедливость во всей своей форме. Общество, которое не верует в бога, но боится примет и чёрта, которое отрицает всех врачей и в то же время лицемерно оплакивает Боткина и поклоняется Захарьину, не смеет и заикаться о том, что оно знакомо с справедливостью» [П-3, 309].

Были ли в литературном мире того времени писатели, оказывающие, по мнению Чехова, более здоровое влияние на русскую интеллигенцию? В одном из писем он в качестве примера такого писателя он указывает на Салтыкова-Щедрина. Откликаясь на смерть последнего, он в письме к А.Н. Плещееву от 14 мая 1889 г. напишет следующие строки: «Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочный дух, который живет в мелком, измощенничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага. Обличать умеет каждый газетчик, издеваться умеет и Буренин, но открыто презирать умел один только Салтыков. Две трети читателей не любили его, но верили ему все. Никто не сомневался в искренности его презрения» [П-3, 212-213].

Во втором из наиболее часто цитируемых при обращении к теме «Чехов и интеллигенция» писем, письме к И.И. Орлову от 22 февраля 1899 года, Чехов критикует своего адресата за уозсть взгляда на социальные проблемы: «На Ваше сетование относительно губернатора (губернатора – О.Р.) и всяких неудач я отвечу тоже текстом: не надейся на князи и сыны человеческие... И напомним еще одно выражение, касающееся сынов человеческих, тех самых, которые так мешают жить Вам: сыны века. Не губернатор, а вся интеллигенция виновата, вся, сударь мой. Пока это еще студенты и курсистки – это честный, хороший народ, это надежда наша, это будущее России, но стоит только студентам и курсисткам выйти самостоятельно на дорогу, стать взрослыми, как и надежда наша и будущее России обращается в дым, и остаются на фильтре одни докторадачевладельцы, несытые чиновники, ворующие инженеры. Вспомните, что Катков, Победоносцев, Вышнеградский – это питомцы университетов, это наши профессора, отнюдь не бурбоны, а профессора, светила... Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр» [П-8, 100-101]. Пятью годами позже А.С. Изгоев напишет в «Вехах»: «Если чем памятны иной раз на всю жизнь наши университеты, то именно своим молодым товарищеским духом, интенсивной общественной жизнью, которая почти все время держит на высоком подъеме нервы студента и не дает ему погрузиться в омут личных своекорыстно-карьерных интересов. В известной мере, повторяю, это – правда. Но в то же время у нас стало как бы общепризнанным и никого не смущающим фактом, что горячий юноша-идеалист, полный возвышеннейших революционных порывов, не успеет получить аттестат зрелости, как мгновенно превращается либо в чиновника-карьериста, либо в своекорыстного дельца»¹⁴. Как мы видим, и здесь «веховцы» близки к идеям Чехова.

Подчёркивая, что не социальное положение человека определяет его вклад в пользу общества, Чехов говорит о своей вере в «отдельных личностей», указывая этим путь развития России: «Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям – интеллигенты они или мужики, – в них сила, хотя их и мало. Несть праведен пророк в отечестве своем; и отдельные личности, о которых я говорю, играют незаметную роль в обществе, они не доминируют, но работа их видна; что бы там ни было, наука все подвигается вперед и вперед, общественное самосознание нарастает, нравственные вопросы начинают приобретать

¹⁴ Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – СПб.: Азбука-Аттикус, Авалонь, 2011. – С.275-276.

беспокойный характер и т. д., и т. д. – и всё это делается помимо прокуроров, инженеров, гувернеров, помимо интеллигенции en masse и несмотря ни на что» [П-8, 101].

Строки из письма к И.И. Орлову были использованы М.О. Гершензоном в его «веховской» статье «Творческое самосознание»¹⁵. Другие строки письма («Я верую в отдельных людей...») послужили эпиграфом к одной из самых новых биографий Чехова, принадлежащей перу А.П. Кузичевой¹⁶. Для нас в этом письме важно то, что Чехов не только даёт характеристику русской интеллигенции (это, как мы видели, он делал и во многих других своих письмах), но и говорит об истоках её болезней, которые он видит не во внешних обстоятельствах, а в личностных несовершенствах самих же интеллигентов. В отличие от многих мыслителей того времени (которые критиковались авторами «Вех» за то, что все беды выводили из самодержавия), Чехов видел причины пороков не во внешнем, а во внутреннем, и в этом солидаризовался с авторами «Вех», «общей платформой» которых являлось «признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития»¹⁷. Вторым важным моментом для нас здесь является то, что Чехов свои надежды на улучшение русской жизни возлагает не на интеллигенцию (и вообще не на социальный класс, прослойку, кружок), а на отдельных личностей (в отличие от «Вех», авторы которых направили свою критику именно в адрес интеллигенции как класса, от которого, по их мнению, в наибольшей степени зависит судьба России). Согласно В.Б. Катаеву, «Говоря о вине каждого, Чехов спорил с традиционной для русской интеллигенции позицией в ответе на вопрос «кто виноват?». Сословный, классовый, партийный ответ представлялся Чехову и несправедливым, и узким (в перспективе же нашей истории он-то и возымел большое и злое будущее)»¹⁸. Хотя мысли Чехова и «веховцев» созвучны почти во всем, первый, по нашему мнению, видел проблему более широко.

Высота Чехова видится и в том, что в его портрете русского интеллигента рядом с отрицательными характеристиками соседствуют положительные (психологи назвали бы это сложным, дифференцированным образом русского интеллигента в сознании Чехова). Он отмечал «тонкие душевные движения, присущие интеллигент<ным> людям...» [П-9, 7], особенную жизнь, «какою живет интеллигенция» [П-9, 125], честность, деловитость и знания представителей земства («Интеллигенция здесь очень милая и интересная. Главное – честная. Одна только полиция несимпатична» [П-5, 113], «Земцы здесь интеллигентные, товарищи дельные и знающие люди...» [П-5, 96], «Земство наше медлительно, но интеллигентно и сговорчиво...» [П-5, 99]), желание лучших представителей интеллигенции вступить за невиновного («У нас только и разговора, что о Зола и Дрейфусе. Громадное большинство интеллигенции на стороне Зола и верит в невинность Дрейфуса. Зола вырос на целых три аршина; от его протестующих писем точно свежим ветром повеяло, и каждый француз почувствовал, что, слава Богу, есть еще справедливость на свете и что, если осудят невинного, есть кому вступить» [П-7, 157], «Ты спрашиваешь, какого я мнения насчет Зола и его процесса. Я считаю прежде всего с очевидностью: на стороне Зола вся европейская интеллигенция и против него всё, что есть гадкого и сомнительного» [П-7, 173]). Этот сложный (включающий и отрицательные, и положительные черты) образ интеллигенции не позволяет нам согласиться с тем, что Чехов «по сути дела, ощущает в себе и не приемлет в других, в том числе и в своих персонажах, «небывалого» и «притом типичного в своей житейской захудалости, в своих нервах» русского интеллигента»¹⁹, с тем, что «Чехов активно не любил, более того, не выносил интеллигенцию как класс, как образ жизни и тем более – как пресловутую «главную надежду» России»²⁰.

¹⁵ Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона и др. 3-е издание. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1909. – С.81.

¹⁶ Кузичева А.П. Чехов. Жизнь «отдельного человека». – М.: Молодая гвардия, 2010. – С.5.

¹⁷ Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – СПб.: Азбука-Аттикус, Авалонь, 2011. – С.6.

¹⁸ Катаев В.Б. Боборыкин и Чехов : (К истории понятия "интеллигенция" в русской литературе) // Русская интеллигенция : История и судьба. – М., 1999. – С.395.

¹⁹ Злотникова Т. Антон Чехов, интеллигент из провинции // Мир русской провинции и провинциальная культура. – СПб., 1997. – С.45.

²⁰ Арон Л. Чеховский экзистенциалист, или от интеллигенции к среднему классу/ Пер. Георгадзе М.// Континент. – М.; Париж, 2004. – № 119. – С.201.

Особое внимание уделяет Чехов в своих письмах примерам работы интеллигенции для общественного блага: «Интеллигенция работает шибко, не щадя ни живота, ни денег; я вижу ее каждый день и умиляюсь, и когда при этом вспоминаю, как Житель и Буренин выливали свои желчные кислоты на эту интеллигенцию, мне делается немножко душно. В Нижнем врачи и вообще культурные люди делали чудеса. Я ужасался от восторга, читая про холеру. В доброе старое время, когда заболели и умирали тысячами, не могли и мечтать о тех поразительных победах, какие совершаются теперь на наших глазах. Жаль, что Вы не врач и не можете разделить со мной удовольствия, т.е. достаточно прочувствовать и сознать и оценить всё, что делается» [П-5, 104]. И здесь мы видим очень интересный феномен: именно в таких случаях Чехов, обычно описывающий интеллигенцию с внешней позиции (что мы можем видеть во всех приведённых нами ранее цитатах), идентифицируется с ней: «Толстой вот величает нас мерзавцами («Мерзавцами» называет докторов персонаж «Крейцеровой сонаты» Позднышев» [П-5, 420] – О.Р.), а я положительно убежден, что без *нашего брата* пришлось бы круто. В 30 верстах от меня заболело холерой 16 человек и умерло только 4, т. е. 25%. Такой малый процент я объясняю прямо-таки тем, что дело не обошлось без вмешательства моих коллег Петра Иваныча и Ивана Корниловича, с которыми, кстати сказать, 29-го я буду обедать» [П-5, 126], «На съезде актеров Вы, вероятно, увидите проект громадного народного театра, который мы затеваем. Мы, т. е. представители московской интеллигенции (интеллигенция идет навстречу капиталу, и капитал не чужд взаимности). Под одной крышей, в красивом, опрятном здании помещаются театр, аудитории, библиотека, читальня, чайные и проч. и проч.» [П-6, 297]. Иными словами, Чехов встаёт во внешнюю по отношению к интеллигенции позицию во всех случаях, кроме тех, когда речь идёт об общественно полезной деятельности. Если этот показатель является основанием для идентификации Чеховым себя как интеллигента, значит, именно он выступает для него самым важным в интеллигентском облике (эта важность подтверждается и многочисленными общественно полезными делами самого Чехова).

Приведём ниже несколько цитат, в которых Чехов с уважением отзывается о знакомых ему интеллигентах: «Вы спрашиваете, какого я мнения о Ваших рассказах <...> В изображениях интеллигентных людей чувствуется напряжение, как будто осторожность; это не потому, что Вы мало наблюдали интеллигентных людей, Вы знаете их, но точно не знаете, с какой стороны подойти к ним. <...> Я Вас не знаю, не знаю, откуда и кто Вы, но мне кажется, что Вам, пока Вы еще молоды, следовало бы покинуть Нижний и года два-три пожить, так сказать, потереться около литературы и литературных людей <...> Короленко, Потапенко, Мамин, Эртель – это превосходные люди...» [П-7, 352], «Добрейший Евграф Петрович, пишу Вам это из Воронежской губ<ернии>. Произошло то же самое, что и в Нижнем, т.е. губернатор пригласил меня обедать, и мне пришлось много говорить и слышать о голоде <...> Голодное дело поставлено здесь гораздо основательнее, чем в Нижегородск<ой> губ<ернии>. Выдают не только хлеб, но даже переносные печи и каменный уголь. Устроены мастерские, много столовых. Вчера в театре был спектакль в пользу голодающих – сбор полный. Куровский интеллигентный и искренний человек; работает так же много, как Баранов» [П-4, 356-357]. С особенной теплотой писал Чехов о профессоре Московского университета М.М. Ковалевском: «В настоящее время в Париже живет бывший профессор Московского университета Максим Максимович Ковалевский, прекрасный, всеми уважаемый человек, представитель лучшей части русской интеллигенции. Он знает оба языка в совершенстве и может оценить Ваши переводы по достоинству» [П-7, 108], «Ковалевский произвел на Вас хорошее, здоровое впечатление? Я ожидал этого. Он на целых пять голов выше нашей столичной передовой интеллигенции, ежедневно справляющей юбилеи» [П-7, 104], «Ковалевский в Париже, и я написал ему о том, что ты имеешь намерение вознести ему хвалу в декабр<ьской> книжке. Какой это, кстати сказать, жизнерадостный и жизнеспособный человек! Большой человечина во всех смыслах» [П-7, 124]. Мы видим, что Чехов отмечал не только недостатки, но и достоинства русской интеллигенции, высоко оценивая лучших её представителей.

Итак, мы подробно рассмотрели характеристики русской интеллигенции, зафиксированные в письмах Чехова. В этих характеристиках встречаются два момента:

дескриптивный (описательный) и прескриптивный (предписывающий) – именно за счёт этой встречи одна и та же оценка облекается в разные слова: неинтеллигентные театры становятся таковыми, поскольку не дотягивают до интеллигентных (прескрипция), а «паршивенькие» интеллигенты, «снующие по вагонам», тем не менее, остаются интеллигентами, поскольку являются носителями тех признаков, которые, по мнению Чехова, присущи интеллигенции (дескрипция). Но заслуга Чехова не только в том, что он указал на разные качества интеллигентов, дал представление как о текущем положении интеллигенции, так и о желаемом её облике. Его заслуга состоит в соответствующей постановке вопроса, в том, что он «привносит в систему традиционных вопросов еще один, предельно актуализировавшийся к концу XIX в. – русская интеллигенция, её природа, социальная суть, место и роль в современном обществе»²¹.

Завершая статью, представим в выводах её основные положения:

1. Тема русской интеллигенции представляла интерес для Чехова, и он неоднократно обращался к ней в своей переписке.
2. Отношение А.П. Чехова к русской интеллигенции было противоречивым: в своих письмах он приводит как положительные, так и отрицательные её характеристики.
3. Самоидентификация А.П. Чехова как интеллигента обнаруживается лишь в тех случаях, когда речь идёт о деятельности интеллигенции на благо общества. Следовательно, эту характеристику русской интеллигенции следует считать наиболее важной для А.П. Чехова.
4. А.П. Чехов предвосхитил и выразил в своей переписке те оценки русской интеллигенции, которые впоследствии были развиты в работах отечественных философов, в частности, в сборнике статей о русской интеллигенции «Вехи».
5. А.П. Чехов свои надежды на улучшение русской жизни возлагает не на интеллигенцию (и вообще не на социальный класс, прослойку, кружок), а на «отдельных личностей» (в отличие от «Вех», авторы которых направили свою критику именно в адрес интеллигенции как класса, от которого, по их мнению, в наибольшей степени зависит судьба России).

Список литературы

1. Арон Л. Чеховский экзистенциалист, или от интеллигенции к среднему классу/ Пер. Георгадзе М.// Континент. – М.; Париж, 2004. – № 119.
2. Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – СПб.: Азбука-Аттикус, Авалонь, 2011.
3. Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона и др. 3-е издание. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1909.
4. Воровский В.В. А.П. Чехов и русская интеллигенция// Воровский В.В. Статьи о русской литературе. – М., 1986.
5. Злотникова Т. Антон Чехов, интеллигент из провинции // Мир русской провинции и провинциальная культура. – СПб., 1997.
6. Катаев В.Б. Боборыкин и Чехов : (К истории понятия "интеллигенция" в русской литературе) // Русская интеллигенция : История и судьба. – М., 1999.
7. Криницын А. Проблемы "вырождения" у Чехова и Макса Нордау // Чехов и Германия. – М., 1996.
8. Кузичева А.П. Чехов. Жизнь «отдельного человека». – М.: Молодая гвардия, 2010.
9. Соболевская Н.Н. Чехов и сборник "Вехи": диалог во времени// Книга и литература в культурном контексте. – Новосибирск, 2003.
10. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах – М.: Наука, 1974–1983.

A.P. CHEKHOV ON THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA

O.I. RODIONOVA

Lomonosov Moscow State University

The article is devoted to the characteristics of Russian intelligentsia fixed in A.P. Chekhov's letters. Chekhov's approach is compared with approaches of the authors of «Vekhi».

Keywords: Chekhov, intelligentsia, Chekhov's letters, Chekhov's correspondence, «Vekhi».

²¹ Соболевская Н.Н. Чехов и сборник "Вехи": диалог во времени// Книга и литература в культурном контексте. – Новосибирск, 2003. – С.383.